А вот студия "Григорович-балет" выходится за пределы театра — уже и соответствующий приказ издан. Свое предназначение — готовить пополнение для основной труппы — она не выполнила. Очень молодые, незрелые артисты ездили по свету, эксплуатируя репертуар Большого театра (в первую очередь балеты самого Юрия Николаевича), будучи не очень-то в силах с ним справиться. Теперь труппа "Григорович-балет" будет существовать самостоятельно.

Страна реформируется, учится жить по-новому. Меняется — и будет меняться — и жизнь Большого театра. Мы добились особого статуса, добились самостоятельности, что помогло нам решить кое-какие наши проблемы. Но реформы в Большом вовсе не закончились, они только начинаются. И нам еще предстоит отдельный, серьезный разговор о них. Возможно, претерпит изменения структура управления театром. В Большом далеко не всегда существовал институт так называемых главных специалистов. Кому из любителей балета неизвестно имя Александра Горского, многие годы бывшего фактически главным балетмейстером Большого театра? Однако он так не назывался — кажется у него вообще не было никакой должности. Не всегда были "главные" и в советское время... Впрочем, повторю, этот разговор еще впереди.

О реставрации и реконструкции здания сказано уже столько, что к касаться-то этой темы нелегко. Однако приходится: проблема эта "номер один". Год назад было принято солидное правительственное постановление о реконструкции, утвердившее проект, сроки (весьма не отдаленные), заказчиков, исполнителей... Выполнено оно не будет. Выяснилось, что на Триумфальной площади, где планировалось построить новое здание для Театра оперетты, строить его нельзя — там проложено слишком много подземных коммуникаций. Теперь разработан другой проект. Театр оперетты мы оставляем в покое и строим новое здание для своего филиала. Место есть — это заброшенный двор в двух шагах от Большого театра. Проект этот значительно дешевле, поскольку из него "выпала" реконструкция Театра оперетты, однако и на его воплощение нужны не малые средства. Когда нам их выделят? А вот на этот вопрос ответа по-прежнему нет...

Не знаю, откуда взялась сплетня "из жизни Аполлона", а вот слух об отъезде труппы в Америку явно порожден столь долго ожидаемой реставрацией. Стоит ли объяснять, что он беспочвен, ведь "час" для реставрации еще не назначен. (А назначат — мы постараемся придумать, как устроить труппу. Например, вернемся временно на свою старую площадь — в КДС. Или, может быть, сначала построим филиал, а потом уж начнем реконструировать здание Большого).

Когда читаешь абзацы статьи в "Шпителе", в которых говорится о том, что на Западе больше обеспокоены судьбой театра, чем здесь, становится обидно. У театра действительно много друзей за рубежом, готовых помочь, поддержать — и не потому, что "Большой на краю", а потому, что любят и ценят его искусство. Но не они должны сыграть решающую роль в возрождении Большого театра. Когда г-н Ангреми, бывший посол Франции в ЮНЕСКО, написал статью под заголовком "Мы спасем Большой театр", я выказал ему претензию: "Большой театр будем спасать мы сами!". Кстати, Россия ведь тоже член ЮНЕСКО. Очень хорошо, что эта организация обратила свое внимание на Большой театр. Но вот, к примеру, проект реконструкции, предложенный ее специалистами, был нами отвергнут. Он предусматривал огромную стеклянную пристройку к заднему фасаду здания, что, несомненно, не лучшим образом отразилось бы на его внешнем виде.

Когда я выразил надежду, что эта статья может принести пользу, я имел в виду не международный резонанс. Я имел в виду реакцию у нас — наших театралов, наших деятелей культуры, всех, кому не безразлично, будет ли спасен Большой театр.

ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР — ГЕНЕРАЛЬНОМУ ДИРЕКТОРУ

"Я не стал бы говорить, что театр на краю пропасти"

В газете "Культура" от 21 мая опубликовано два материала под общим заголовком "Большой театр на краю бездны?..". Первый — перепечатка из журнала "Шпитель" — "Потерянный на песке", второй — с сомнительно оптимистичным названием "Пока не рухнул!". К первому претензий у меня лично нет — журналисты из "Шпителя" наслушавшиеся сплетен, начитавшиеся отрывочных исторических сведений и воспринявшие чьи-то субъективные мнения и выводы, претендуют на "беспристрастный взгляд", который может разве что вызвать улыбку.

Но вторая статья меня, мягко говоря, поразила. Поскольку написана она генеральным директором Большого театра Владимиром Кокониным, чей ранг заставляет воспринимать изложенное "частным в последней инстанции" уже достаточно серьезно. По той простой причине, что г-н Коконин говорит от лица руководства Большого театра. И для руководства Большого театра, к коему не без оснований я себя причисляю, некоторые положения и выводы г-на директора звучат, по крайней мере, неожиданно. Я не буду пользоваться примером нашего генерального директора и обобщать мнение нашего руководства. Я могу и хочу говорить от себя лично.

Во-первых, я не понимаю, почему главный чиновник, главный администратор Большого театра (будем называть вещи своими именами) берется обсуждать на страницах большой газеты, нужны ли в Большом главные специалисты или нет. Цитирую: "Возможно, претерпит изменения структура управления театром. В Большом далеко не всегда существовал институт главных специалистов... Не всегда были главные и в советское время... Впрочем, повторю, этот разговор еще впереди".

Я являюсь главным дирижером, соответственно, и главным специалистом, для меня заявление нашего генерального директора, очевидно, должно звучать, как для школьника предупреждение директора: "Ну-с, с вами разговор у меня будет в конце четверти". Встречаясь с Владимиром Кокониным в театре если не каждый день, то достаточно часто, и я не подозревал, что у нас с ним впереди подобные разговоры.

Логично было бы предположить, что такие беседы, касающиеся организации и структуры руководства театром, сначала должны быть проведены в стенах самого театра. Но В. Коконин избирает другой путь. Для меня является очень показательным, что именно Коконин, в чей адрес "Шпитель" не кидает камней, а, скорее, рекламирует его "проект спасения театра", комментирует данный материал. И зная, с каким рвением он воспринимает все статьи о Большом, как требует визирования материалов у журналистов, которые просят доступа в театр, невольно думаешь, что вся публикация "Большой театр на краю бездны!" — плод неожиданного режиссерского воодушевления г-на Коконина, его лебединая песня в большом искусстве. То есть я считаю допустимым думать, что о статье в "Шпителе" наш генеральный директор знал заранее, и она была именно ему в какой-то степени выгодна.

И чем выгодна, мне тоже понятно. Прибрать Большой к рукам — не самый слабый проект для любого хозяйственника. И, конечно, гораздо легче править театром без специалистов. Сам генеральный имеет четырех заместителей и четырех директоров творческих коллективов (итого девять администраторов), не обладающих правом решающего голоса (решающий голос только у него). При этом он встревожен мыслью о необходимости присутствия в театре главного дирижера, главного балетмейстера, главного хормейстера и главного художника.

Мне необходимо оговориться, что это именно я приглашен В. Коконина в Большой театр (не подозревая, что через несколько лет мы начнем играть в гадалку "Была у лисички избушка ледяная, а у зайчишки — лубяная") и что именно я содействовал тому, чтобы мы вышли из-под крыла Министерства культуры и стали "отдельной строкой" финансирования правительства. И вся эта деятельность привела к тому, что В. Коконин назначен генеральным директором уже указом президента. То есть он — человек, реально облеченный определенной властью и полномочиями. И я не могу понять, на что эту власть и полномочия В. Коконин употребляет.

В потоке, вет, скорее, шквале критики в адрес Большого есть и определенное рациональное зерно. Да, требуется контрактная система (о чем давно уже говорится), да, артисты получают в Большом до смешного низкую зарплату и, как следствие этого, стремятся зарабатывать зарубежными поездками, да, требуются дотации, компенсации. В конце концов требуются реформы, о которых так любит говорить генеральный директор. И это все, как говорится, требовалось еще вчера. Почему же он, генеральный директор придворного театра (и в этом слове нет ничего зазорного, это почетно), назначен-

ный президентским указом, не пользуется своим высоким положением? Где его связи в правительстве, наконец?

И еще. Во всем мире во главе крупных театров — творческие люди. И могу сказать за себя: если бы я не был главным дирижером Большого театра, я не поставил бы спектакли, которые являют сегодня лицо театра. Я не смог бы этого сделать. Вместо этого театр перезаявил бы очередного Массэна в режиссуре следующей оперной примадонны. Мне трудно представить, чтобы кто-нибудь дал Григоровичу возможность поставить его балеты, если бы он не был главным балетмейстером. Думаю, что нет. Все было бы потоплено в расписаниях репетиций, хозяйственных трудностях и т.д. У меня нет иллюзий на этот счет. Когда меня приглашали в театр, то три раза откладывали дебют.

Театр продолжает выпускать новые спектакли. Это значит, что у него есть творческий потенциал. Об этом, кстати, говорит и то, что артистов Большого с радостью ждут за рубежом. Об этом говорят и большие, интересные планы театра. Неутихающий интерес прессы к театру также своеобразно говорит о том, что театр жив. Я не стал бы говорить, что он на краю пропасти. Хотят же почему-то артисты работать в Большом за двести тысяч рублей, в то время как в Германии они получали бы по крайней мере две тысячи долларов за выход?

У меня есть и еще одно свидетельство того, что, во всяком случае, моя работа представляет интерес, находит зрителя, а у зрителя — живой отклик.

После премьеры опер Рахманинова ко мне подошел Владимир Михайлович Коконин, сказал, что он не мог бы и представить себе лучшего исполнения Рахманинова, и от всей души поздравил. А после всех этих поздравлений я принес к себе в кабинет, и мне принесли свежий номер "Культуры", а в нем — статья, где он задается вопросом, нужны ли главные специалисты. Я считаю, что, поздравив меня с творческой удачей, Владимир Михайлович поступил благородно и честно. По-своему.

Владимир Михайлович, если бы вы по-другому решили за реформы в театре, главные специалисты и рады были бы заняться исключительно творчеством (а не писанием подобных заметок). Но пока, борясь за право усыплять ваш слух и слух других слушателей Рахманиновым, я буду оставаться на своем месте. И работать, я надеюсь, во славу театра. А вот как мы, главные специалисты, будем теперь работать с вами, я, честно говоря, не знаю.

А. ЛАЗАРЕВ,
главный дирижер Большого театра.

ГАБТ. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Если не главные, то генеральные?

Увы, с некоторым опозданием, но все же должен вступить в разговор, начатый газетой "Культура" 21 мая с.г. и вдруг мною касающийся как Большого театра в целом, так и меня лично. Сначала мы прочитали статью иностранцев из немецкого "Шпителя", разумеется, глупую, дилетантскую, которая и серьезного внимания не заслуживала. А затем — комментарий генерального директора Большого театра В. Коконина. Его-то весьма своеобразное выступление и заставило уже нашего главного дирижера Александра Лазарева через неделю (28 мая) взяться за перо. Если бы я в тот момент находился в Москве, а не в Ирландии, где гастролировала балетная труппа, то наверняка присоединился бы к мастеру. Он так ясно и просто изложил свои позиции, что мне, право, почти нечего добавить.

Действительно произошло нечто в высшей степени неприятное и ложное. Мы работали с человеком, который, оказывается, вынашивал ряд "реформаторских" идей, направленных на разрушение театра. Ибо как еще можно расценить рассуждение г-на Коконина о том, что Большой не обязательно должен управляться главными специалистами (читай — главным дирижером, балетмейстером, художником, хормейстером). А кем же тогда? Генеральным директором? Но у Коконина и так большая власть, важно умело ею распорядиться — например, усердно заниматься финансами, реконструкцией театра, внедрением контрактной системы и прочее. Для много. Вместо этого он решает уничтожить институт главных специалистов, чтобы уже никто не мешал его чиновничьим реформам.

Я не собираюсь вступать в дальнейшие споры, повторяю: абсолютно согласен с А. Лазаревым. Только задаюсь вопросом — волею судеб Большой театр сейчас отлучен от Министерства культуры, самостоятелен, свободен, генеральный директор назначен Президентом Российской Федерации, но что делать в случае, если на высоком посту оказался Коконин, судя по всему воспринявший это так, будто получил Большой в наследство и никто теперь над ним не властен? Тут — вопрос, и весьма серьезный. Но его обсуждение, думаю, еще предстоит.

Юрий ГРИГОРОВИЧ,
главный балетмейстер Большого театра России,
профессор

P.S.

Полемика, развернувшаяся на страницах газеты между "главными специалистами" по оркестру и балету и генеральным директором вызывает, мягко говоря, недоумение. В самом деле, с чего бы это вдруг такой накал страстей (отраженный, кстати, и в газетных рубриках: "Большой на краю пропасти", "ГАБТ. Борьба за власть"?) Неужели А. Лазарев и Ю. Григорович только сейчас "прозрели"? Вряд ли. Скорее, принятое 19 сентября 1992 года "Положение" о Большом театре и определенный в нем статус генерального директора — фактически полновластного хозяина ГАБТ — (см. МО № 5 и № 6, 1993) устраивало их до поры до времени: до тех пор, пока В. Коконин не заговорил о возможности смещения "главных специалистов". Только теперь они "опомнились" — В. Коконин-то, оказывается, "чиновник", "администратор", а претендует на что-то большее...

Не хочется пророчить дурное, но, судя по всему, данные статьи — лишь первый акт пьесы под названием "Большая схватка в Большом". И в ближайшее время нас, по всей видимости, ждет такая "разборка", что конфликты в ЗКР Петербургской филармонии и в Петербургской консерватории покажутся "детскими шалостями" — ведь В. Коконин назначен на должность генерального директора не кем-нибудь, а самим Президентом Российской Федерации.

Впрочем, "борьба за власть в ГАБТ" (используя выражение "Культуры") сама по себе интереса не вызывает: в Большом всегда против кого-нибудь боролись, кого-то "съедали". Но раньше, по крайней мере, все происходило "под ковром". Сейчас же — прилюдно.

И "главные", и "генеральный" с пеной у рта убеждают читателя: Большой не рухнул, Большой не на краю пропасти... Полноте! Или пол-премьеры оперы в сезон — свидетельство отменного здоровья коллектива, в котором работает такое огромное количество таких замечательных творческих сил? Кстати, выступления на конкурсе имени Чайковского некоторых из солистов прославленного театра — "лица страны", или ее "зеркала", как именует ГАБТ г-н Коконин — заставляют усомниться и в нынешних возможностях труппы.

Г-н Лазарев считает, что "неутихающий интерес прессы к театру также своеобразно говорит о том, что театр жив". Согласимся с ним в одном: уж очень "своеобразно". В этом сезоне, например, газеты лишь один раз писали о музыке в Большом — в связи с "Князем Игорем" (да и то больше о спорности новой версии, нежели собственно о музыке). А все остальное время — о трудностях реконструкции, об охране Большого, о валютных буфетах, о выставках часов для богатых, о скандале с Тарандой...

И последнее. Блестящая статья из "Шпителя" почему-то показалась главным специалистам достойной "разве что улыбки" (А. Лазарев) и "разумеется, глупой и дилетантской" (Ю. Григорович). Хотя — ясно почему. Кто же из них одобрит статью, фактически объявляющую гг. Лазарева и Григоровича творческими импотентами? И кто из них признается в том, что именно отсутствие в театре *творческих* лидеров дает возможность г-ну Коконину чувствовать себя полновластным хозяином Большого и выступать от его имени? Пока же, как гордо признается А. Лазарев, именно его спектакли "являют сегодня лицо театра". Так что же на "Шпитель" пенять (как известно, в переводе с немецкого der Spiegel значит "зеркало"), коли...

Александр ВЛАСОВ
зам. главного редактора